

АНАСТАСИЯ ЕФРЕМОВА:

«И вдруг мама узнала,
что у папы роман
с Ниной Дорошиной...»

Я должна была пойти в первый класс, когда отчим, журналист Ким Бакши, решив, что нехорошо отправлять дитя в школу с метрикой, где в графе «отец» стоит прочерк, решил меня удочерить. Узнав об этом, мой родной папа — Олег Ефремов — тут же позвонил маме и сообщил, что не позволит чужому мужику удочерить его ребенка и завтра же сделает это сам.

Я хоть и появилась на свет незаконнорожденной, никогда не чувствовала себя ущербной. В год моего появления на свет у папы, можно сказать, родилось два детища — я и «Современник». Расставшись с Лилей Толмачевой, он к тому времени уже несколько лет жил с мамой — дочерью легендарного полярного летчика, выпускницей сценарного факультета ВГИКа Ириной Мазурук. Я до сих пор не понимаю, как они могли существовать вместе — уж очень разные это были люди.

Идея соединить их судьбы принадлежала исключительно Гале Волчек, работавшей с папой и считавшей, что Мазурук и Ефремов созданы друг для друга. (Мама дружила с женой Игоря Кваши Таней Штейн и через нее познакомилась с Волчек.) Ирине Мазурук, юной богемной девушке, в момент знакомства было всего 19, но она уже успела побывать

замужем; папа, на 9 лет старше, в ту пору жил один. Закончив ВГИК, мама стала замечательным сценаристом, но в отличие от отца у нее на первом месте всегда была любовь. А папа создавал «Современник». На всех кухнях — у своих родителей в коммуналке в Староконюшенном, у маминых, в Лаврушинском, — велись бесконечные разговоры о театре. И, конечно, он дни напролет пропадал на репетициях...

Представляете, после маминой смерти я нашла ее письма к отцу! Она писала ему, живя с ним в одной квартире! Это был вопль души. А что оставалось делать? Почти 24 часа в сутки Ефремов проводил в театре, приходил поздно ночью, и на жену у него уже не оставалось ни сил, ни времени. Тем не менее она терпела — обаяние папы было как северное сияние! Он мог не произносить ни слова, сводила с ума одна его улыбка. Если он веселился и шутил, то всегда до колিক. Мама же была пессимисткой. Лю-

Однажды «добрые люди» донесли, что у папы роман с Дорошиной (Нина в то время была изумительно хороша!)

бимую фразу «Жизнь не удалась» она произносила едва ли не с детства. И такой был надрыв в ее голосе!

Несмотря на то что родители так и не расписались, свадьбу сыграли. Недавно у тетки я даже нашла единственную фотографию — свидетельство торжества. Среди гостей — Кваша с Таней Штейн, стоящий перед мамой на коленях Козаков, бабушка. Мама рассказывала, что в этот день был жуткий ливень, и все радовались хорошей примете: «Брак должен быть удачным!» Потом уже, мно-

го лет спустя, папа произнес очень грустно: «Знаешь, а ведь ты должна быть очень счастливой, потому что нежеланный ребенок». (У мамы в результате внематочной беременности оставалась одна труба, и рисковать было нельзя, пришлось мне родиться.) Нельзя сказать, что они оба не хотели детей и не мечтали, воркуя как голубки: «Вот родим ребеночка...» Просто в красивый роман, придуманный Галей Волчек — знаменитый артист и красивая женщина, — дети пока не вписывались.

я рожала своих детей и мне приносили их кормить, они были очень разные, но все трое с надменным, узким папиным лицом. А когда я показала маме в окошко старшего, она даже вскрикнула: «Ой, Ефремов!»

— Когда родители стали жить вместе, у Олега Николаевича уже была своя квартира?

— Нет, конечно. Я родилась в Лаврушинском, в шикар-ной, замечательно обставленной по тем временам квар-тире маминых родителей, где мама с папой и прожили несколько лет. В квартире постоянно курились благо-вонные палочки. Второй муж бабушки, писатель Вадим Кожевников, автор романа «Щит и меч», работал глав-ным редактором журнала «Знамя». Бабушка была настоя-щей светской дамой и просила меня называть ее исклю-чительно Викой. Приходя по ночам с репетиций, папа будил бабушку словами: «Ну, ты, жена не самого лучшего писателя, пошли говорить за искусство...» Она надевала халат и бежала за ним в кухню — «говорить за искусство».

Потом, правда, сложилось так, что мной очень много занимались папины родители — совсем другие, не бо-гемные люди. Абсолютно домашняя, воспитывавшаяся в Смольном бабушка и экономист дедушка, изучивший свое генеалогическое древо до пятого колена... Как-то прошла информация, что Олег Ефремов не понаслышке знает преступный мир, так как его отец — потомствен-ный вор. Мы, родственники, так и рухнули! Дело в том, что когда произошла революция, дед работал в нарко-мате у Лажавы, но ухитрился не вступить в партию. Ког-да всех стали сажать и расстреливать, он завербовался в лагеря бухгалтером. Может у той «утки» отсюда ноги растут? Интересно, что в старости дед стал очень сенти-ментальным. Однажды вдруг смотрю — плачет... Их с ба-бушкой первенце умер в младенчестве, а потом родился папа. И вот дед говорит: «Все-таки правильно, что тот мальчик умер. Если бы он остался жив, мы бы уже боль-ше детей не завели, а его по возрасту забрали бы на вой-ну и убили...» Папа же на войну не попал.

Родители Олега Николаевича обожали меня, пока не появился Мишка. У дедушки была такая теория: всю жизнь они с бабушкой служили папе, а после него пола-галось любить самого маленького. До шести лет в лю-бимчиках ходила я, и вот на дачу в Абрамцево привезли братца, который сразу же разорвал в клочья мою люби-мую книжку про белого медведя Фрама. Я хотела его от-колошматить, но получила от деду по заднице крапи-вой, а ведь еще недавно он так любил меня! Обидев-шись, я ушла жить в заросли у забора и... заснула там. Искал меня весь поселок!

В дом входит человек и говорит потрясенно: «Все, ребята, завязываю. Начались глюки — там в коляске лежит ребенок с лицом Ефремова!»

Кстати, о ребеночке. В нашей семье есть такая байка. Однажды на даче Штейнов в Переделкине выпивал и веселился творческий народ, а я лежала в колясочке на улице. Вдруг в дом входит человек и говорит потрясенно: «Все, ребята, завязываю. Начались глюки — там в ко-ляске ребенок с лицом Ефремова!» Впоследствии, когда

Потом Мишка подрос, и наступило счастливое вре-мя, когда я могла его пугать, придумывая разные стра-шилки. Но в один прекрасный момент братец в отмест-ку больно треснул меня игрушечным железным мото-циклом по голове, и я поняла, что игры надо менять. Од-нажды накрашила лицо гримом, поставила посреди

Мой дед — седьмой по счету Герой Советского Союза — с женой и дочкой на аэродроме

комнаты стремянку, занавесила шторы и назвала это игрой в космос. На Мишку это произвело неизгладимое впечатление! С тех пор, когда бы мы ни встретились, он просил: «Давай играть в космос», мучая меня таким образом много лет подряд...

Маленькому Мишке можно было все. И всегда находились очень трогательные, подчас даже героические мотивации совершенных им пакостей. Как-то, катаясь на горных лыжах, Миша сломал ногу и лежал почти по пояс загипсованный. Все его жалели, но деду было мало

дела, с расчетом на нее и говорила — чтобы Мишку повеселить. А братец, вместо того чтобы расхохотаться, стал колотить костылем по стене и кричать: «Пусть она съест икру! Немедленно! У меня на глазах!» Еле успокоили.

— **Говорили, что у Олега Николаевича были романы со всей женской половиной «Современника». Как реагировала мама?**

— Что-то знала, что-то — нет. Однажды «добрые люди» донесли, что у папы роман с Дорошиной (Нина в то

Стремившиеся выйти за отца замуж вздыхали: «Ой, бедный Олежек, он такой одинокий, его надо накормить, обогреть!» — и совершали ошибку

простой жалости, и в один прекрасный день он придумал: «Вот как все было. Миша на большой скорости спустился по склону горы, и вдруг навстречу выбежала маленькая девочка в красном пальто. Он вынужден был свернуть в сторону, упал и сломал ногу». Откуда девочка на горном склоне? Почему так важно красное пальто? Потому что это Миша! Он пионер-герой, почти Марат Казей... После этого рассказа я решила подшутить над дедом. Зная, что в холодильнике стоит банка икры, я, лениво потягиваясь, громко говорю в пространство: «Эх, икорки, что ли, поесть?» Дед аж подпрыгнул: «Не смей! Это Мише, он болен». Я-то его реакцию предви-

время была изумительно хороша!). Мама бежит в театр. Навстречу Нина: «Привет, Ирина!» Мама поморщилась: «Знаешь что... Ты бы со мной не здоровалась, а?» Нина как ни в чем не бывало соглашается: «Хорошо!» И по тому, как она это сказала, маме стало ясно, что Дорошина в полном порядке, а вот с ней самой что-то не так. Конечно, переживала... Папа по-разному говорил о своих женщинах, но незадолго до смерти признался мне, что очень любил Нину. Он был абсолютно не семейным человеком. Мама много раз объясняла мне, почему не смогла жить с папой, а потом я поняла это сама. Ну как жить с мужчиной, с которым невозможно поспорить?»

Завоевать сердце Ефремова теплом и заботой было невозможно. Проверенные веками женские хитрости на него не действовали

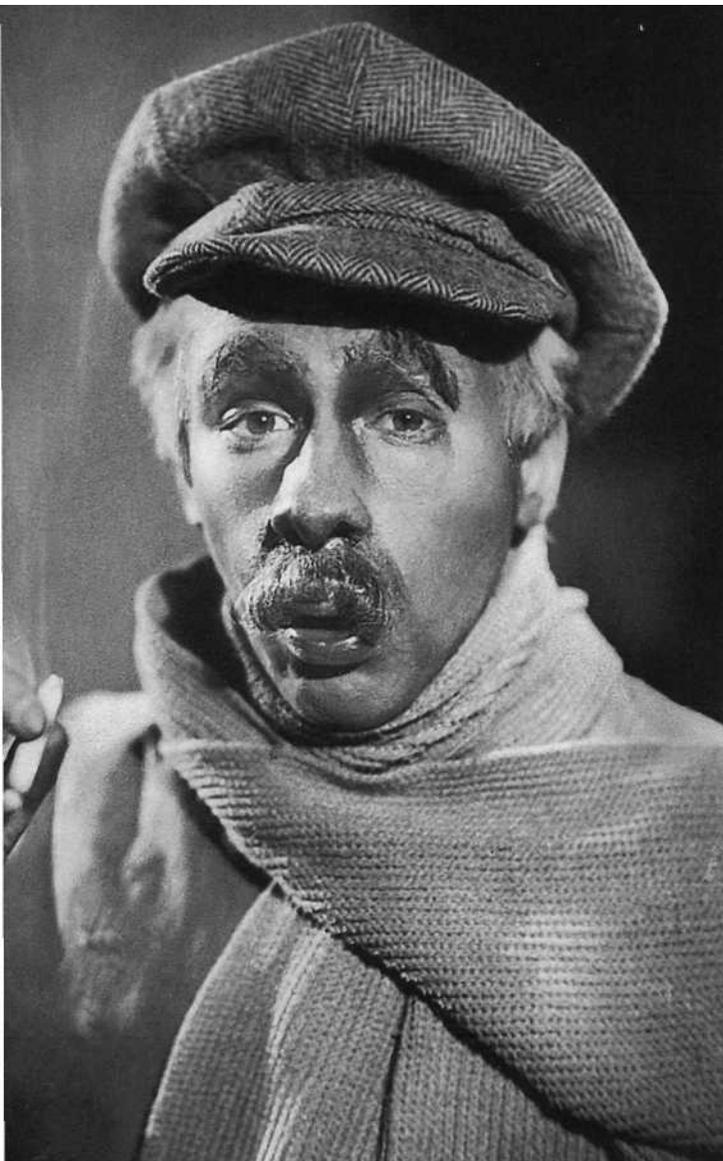
Может, в глубине души папа и мечтал о настоящей семье, но женщина, которая растворилась бы в нем, ему была не нужна, а по-другому с ним жить было невозможно. Многие стремившиеся выйти за него замуж вздыхали: «Ой, бедный Олежек, он такой одинокий, его надо накормить, обогреть!» — и тем самым совершали ошибку. Это, конечно, нормальная женская логика, и он, как всякий мужчина, любил вкусную еду. Но проходило время, и женщина давала ему понять, что и он должен заботиться о ней. А вот этого он терпеть не мог! Любит — значит, любит. Просто так, ни за что. Завоевать сердце Ефремова теплом и заботой было невозможно. Проверенные веками женские хитрости на него не действовали...

Мама, например, регулярно предпринимала попытки приодеть, нарядить отца. Покупала брюки, утюжила. Утром, не глядя, он надевал их и шел в театр. Потом звонила взбешенная Галя Волчек и кричала: «Ты что, с ума сошла?! Ты хоть посмотрела, во что его одела?» Оказывается, брюки едва доставали Ефремову до шиколоток. Но заставить его пойти в магазин что-то примерить было нереально.

У Олега Николаевича было много женщин, роман с Дорошиной не первый и не последний. В результате стала изменять и мама. Нет, это была не месть — как всякой женщине, ей просто нужны были внимание, ласка. Ну что за жизнь, когда муж вроде бы есть, а на самом деле его нет?! Мне вообще кажется, что они изначально не любили друг друга. Это была влюбленность, увлечение. Однажды по рассеянности мама оставила на супружеской кровати подробнейшее, на 15 страницах, письмо бабушке о своем очередном романе. Естественно, его обнаружил и прочел папа. В следующий раз он застал ее с кавалером, и они втроем, выпивая на кухне, обсуж-

Папины родители были совсем не богемные люди. Абсолютно домашняя бабушка и экономист дедушка...

Отбиваться ему, что ли? Когда отец уже перешел во МХАТ, у него была долгая история взаимоотношений с Настей Вертинской. В ответ на мои вопросы о ней он неизменно улыбался: «Ну, она такая красивая!» В этом был некий момент эстетства.

После развода с отцом мама оказалась в тяжелой ситуации. Она со мной, трехлетней, ушла от родителей, сняв комнатку у приятельницы. Все еще надеясь вернуть мужа, совершила попытку суицида: руки, горло — все было изрезано... Спас ее сосед: увидев, что дверь квартиры открыта, он решил узнать, в чем дело, и разбил стекло в окошке ванной. Мама лежала уже вся в крови. Мне, конечно, ничего не объясняли. Я прибежала к папе и говорю: «Маму собачки покусали, она забинтована...» Олег Николаевич хотя и навестил ее, но на него такие вещи абсолютно не действовали. С тех пор о приходе мамы я узнавала по звону браслетов. Сначала она долго ходила в длинных перчатках, скрывая шрамы, а потом стала носить много-много браслетов. Когда приближалась, раздавался: дзинь-дзинь-дзинь... С годами боль от разрыва с папой у нее притупилась, мама вспоминала о Ефремове с юмором и, так как всегда нравилась мужчинам, очень скоро снова вышла замуж. Потом еще раз, еще...

Родители расстались, когда я была совсем маленькой, поэтому то, что они не живут вместе, для меня было естественным. Мама никогда не запрещала мне видеться с отцом. И только когда мы ссорились, она кричала, почему-то считая, что обижает меня этим: «О! Вылитый папаша!» С годами я привыкла, что у меня есть папа с замечательной женой Аллой и есть мама с разными мужьями. В обеих семьях ко мне прекрасно относились. Встречи с отцом были такими хемингуэевскими праздниками, которые всегда со мной, с невероятными подарками — гигантским розовым атласным одеялом, казавшимся сказочным облаком, велосипедом на толстых красных шинах.

Когда папа решил меня удочерить, его секретарь в «Современнике» Раиса Викторовна Ленская предупре-

Все еще надеясь вернуть мужа, мама совершила попытку суицида: руки, горло — все было изрезано... Спас ее сосед, разбив стекло в окошке ванной

дали, как жить дальше. И вот тут мама поняла, какой Ефремов великий режиссер. Отец, можно сказать, уже почти провозгласил: «Ну, раз вы любите друг друга, живите, пожалуйста», дальше последовала мхатовская пауза, после чего Олег Николаевич воскликнул в сердцах: «Настю — не отдам!» Понятно, ему было не до меня, но сделать такой режиссерский ход мог только он!

Кстати, я не думаю, что отцу были необходимы романы. Женщины жаждали романов с ним больше, чем он сам. Молодой, безумно обаятельный, вокруг — удивительные женщины, звезды в самом расцвете красоты...

дила его: «Теперь она подаст на алименты!», имея в виду маму. И она действительно подала. Помню такой случай. У нас на кухне всегда работало радио, и вдруг я услышала голос отца. «Мамочка, папа выступает по радио!» Она примчалась: «Так, очень интересно. Что за передача-то? Сейчас pošлем исполнительный листик...» Не знаю, помогал ли он нам до этого, но мама никогда не бедствовала. Потом папа стал давать ей на меня какие-то деньги, за ними нужно было ездить в театр, общаться с секретаршей... Маме это не очень нравилось, и она решила получать их официально.

«Современник» создавался круглосуточно. Папа с Галиной Волчек

Надо признать, страсти в нашей семье кипели еще те! В свое время дедушка, мамин отец, был настолько оскорблен уходом моей бабушки к другому мужчине, что когда мы позвонили, чтобы сообщить ему о ее смерти, он спросил: «А кто это такая?» Для мамы развод родителей был большой трагедией. Об этом написан ее знаменитый сценарий, по которому до сих пор учатся во ВГИКе, — она очень хотела остаться с отцом. История была

В свою очередь десятью годами безумной любви и бесконечного выяснения отношений стал мамин брак с писателем Вилем Липатовым. После выхода в свет «Деревенского детектива» Щелоков подарил ему винтовку с оптическим прицелом, точную копию той, из которой Освальд застрелил Кеннеди. У Вилия еще была двустволка. И вот сию однажды в своей комнате в квартире у метро «Аэропорт» и слышу: «Бу-бу-бу»... Вдруг выст-

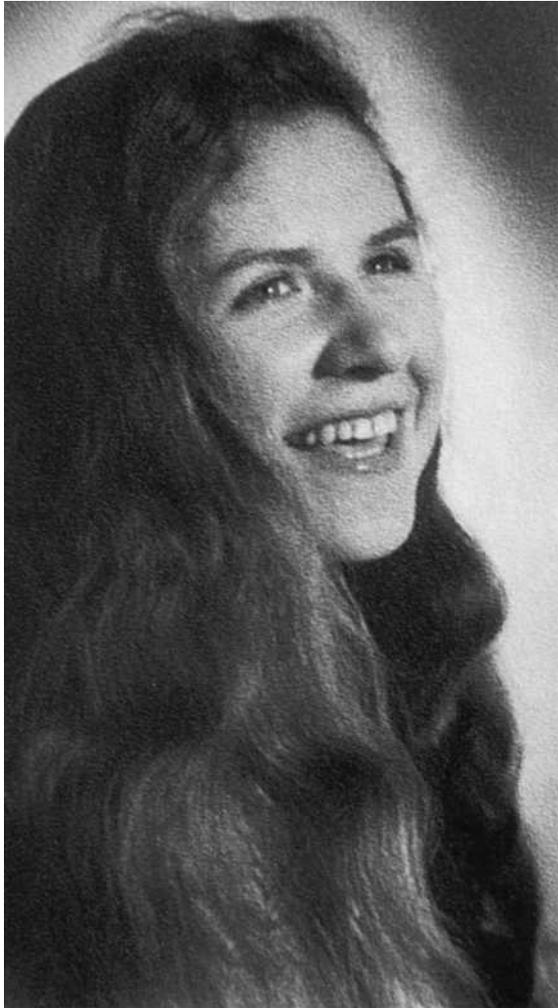
Разъяренный как зверь дедушка, выхватив из кобуры пистолет, стрелял в дверь до тех пор, пока не израсходовал всю обойму

страшная! Мама с дедушкой ехали на машине, и тот всю дорогу расспрашивал ее, приходил ли кто-нибудь к ним домой, пока он был в командировке. У Вики уже был роман с Кожевниковым, и мама проболталась. Спас бабушку только педантизм дедушки. Когда подъехали к дому, он стал закрывать машину, и мама успела подняться в квартиру и предупредить бабушку. Полярный летчик Илья Мазурук, разъяренный как зверь, бежал по лестнице и, выхватив из кобуры пистолет, стрелял в дверь до тех пор, пока не израсходовал всю обойму.

рел — ба-бах! Прибегаю — на полу валяется дымящаяся двустволка. Оказывается, Виль выстрелил из нее вверх и уже начал заряжать подарок министра. Мама же спокойно курит в кресле и томным голосом комментирует: «Обрати внимание — из винтовки с оптическим прицелом! С двух шагов! В родную жену!»

— **Вы не ревновали отца к Алле Покровской, не пытались сравнить ее с мамой?**

— Никогда! Я воспринимала ее как хорошую подругу, с которой приятно поболтать. Да и с мамой она была в

стали невозможными (да простит она меня), и я спросила у отца: «Можно, поживу с тобой?» Он ответил: «Конечно. Только поговори с Аллой». Но Покровской в этот момент в Москве не было, и я переехала, заняв Мишкину комнату — его самого мы отправили к дедушке. Можно представить удивление папиной жены, когда она вернулась с гастролей, — дома ее ждал большой подарок в виде 20-летней падчерицы со всеми вытекающими из этого возраста последствиями: разудальными гостями, поздними возвращениями... Сейчас-то я понимаю, что Алла Борисовна не могла быть рада таким переменам. Не знаю уж, то ли благодаря ее адскому терпению, то ли моей толстокожести, но я не чувствовала ее неудовольствия.

К тому времени мы с мамой уже разменяли нашу квартиру, у меня было свое жилье, но мне почему-то совсем не хотелось переезжать. Окажись я там одна, начался бы нескончаемый праздник. У папы же было уютно и приятно, хотя Мишка чудовишно меня изводил. У нас до сих пор сохранились прекрасные отношения. Как приятно, когда он звонит и произносит своим хриплым голосом: «Сестра!» (Если это, конечно, не в пять утра...) Мое мнение долго было для него истиной в последней инстанции, и, думаю, Алла немножечко ревновала. «Ну что такое родители? — сокрушалась она. — «Дай рубль!», и все. А с сестрой можно поговорить, побеситься». Мы с Мишкой, например, очень любили один анекдот, который превратили в нескончаемую шутку: «Висит вывеска «Коммутаторы, аккумуляторы». Идет человек и возмущается: «Ну вот, вечно у нас так! Кому — таторы, а кому — ляторы!» Я частенько приходила домой ночью, и мне ничего не стоило, разбудив брата, на-

Вдруг слышу голос из соседнего купе: «Ефремов! Женатый человек, а едет с блондинкой, которая ему в дочери годится. Стыд-то какой!..»

чудесных отношениях. Может быть, потому, что Алла играла в отцовском театре и была в курсе его проблем, они и прожили вместе 12 лет. Мне кажется, они хорошо подходили друг другу. Да и в бытовом смысле стало легче, с мамой-то они жили в маленькой комнатке у родителей. То, что она всю жизнь требовала от своих мужчин — положить жизнь к ее ногам, отец делать не собирался, Алла же, напротив, всю себя отдавала Ефремову. Отец считал ее лучшим педагогом Школы-студии МХАТ, трепетно к ней относился. Но и этот брак, исчерпав себя, закончился разрывом. Хотя они и оставались в прекрасных отношениях. А вот с мамой Олег Николаевич после разрыва не встречался. Даже не был на ее похоронах.

Несмотря на то что у отца была другая семья, для меня он всегда был досягаем. Если возникала потребность в общении, я просто приходила к нему в театр или домой. Мне было лет 20, когда наши с мамой отношения

ехать на него: «Так, у меня в ящике лежали пять ляторов и семь таторов. Куда дел?» Он тут же врубался и на полном серьезе оправдывался: «Я взял только один татор! Ляторы все на месте». А однажды Мишка сделал мне потрясающий комплимент. У него была девица, которая мне не очень нравилась, и я как-то по этому поводу высказалась. Он махнул рукой: «Да ладно! Такую, как ты, я не найду, а так не все ли равно?»

Первое время отец ужасно радовался моему присутствию и, похоже, сам себе удивлялся: «Надо же — так спешу домой!» Я стала готовить для него, всячески пытаюсь ему угодить. Надо признать, при полном аскетизме у него все-таки были любимые блюда: жареная печенка с луком, суп из потрохов, соленая рыбка. Так прошло почти три года, и вдруг однажды папа, смущаясь, просит: «Ты знаешь, Настя, давай уж, наверное, переезжай к себе... Я перебираюсь к отцу». (Потом им с дедом дали квартиру на Тверской.) Мишка остался жить с Аллой. И, мне ка-

жется, именно после этого она невзлюбила меня. Получилось: я уехала — и Ефремов ушел от нее. Мы перестали с ней общаться, видаться. Зато ко мне зачастил Мишка. Приезжал, подолгу сидел, оставался ночевать. Видно, тяжело ему было с мамой. Как-то спрашиваю: «Ну, что там?» — «Да мама кричит». Я: «Знаешь, ее тоже можно понять». Он встрепенулся: «Понять-то, конечно, можно, но каждый день понимать очень трудно».

— **Принято считать, что актеры и в жизни часто играют. С вашим отцом такое бывало?**

Ефремов огорчается: «Плоховато вы живете! И что это у вас в ванной только два крана? У меня — три: холодная вода, горячая и пиво»

— Когда мы с Мишкой были поменьше, отец, будучи в хорошем настроении, развлекал нас. Однажды пришел и серьезно так говорит: «Представьте, какая проблема? Меня посылают в космос, а на выпуске — спектакль. Приходится объяснять, что не могу сейчас лететь...» Отец был так убедителен, что часа два мы слушали развесив уши, а потом, поняв наконец, что это розыгрыш, начали истерично хохотать. Но в следующий раз опять попались на крючок: он битый час доказывал, что является генералом абхазской армии. Иногда Олег Ни-

колаевич мог неожиданно спросить: «А знаешь, какая самая вкусная вещь на свете? Эскарго!» А сам, может быть, ел улиток раза два в жизни...

Была такая история. В старших классах меня сослали на дачу учить историю. И вдруг звонит отец: «Хочешь поехать в Житомир?» — «Конечно, хочу!» У его стажера там должна была состояться премьера спектакля. Мы оставляем маленького Мишку в Москве с дедом, садимся с Аллой в только что купленный Ефремовым «Мерседес» и через всю страну едем в Житомир. Ночью машину вел

шофер, днем — папа. Когда останавливались в каком-нибудь населенном пункте, сбегался народ — всем хотелось рассмотреть иностранный автомобиль. Ефремова иногда даже не узнавали. Наконец решили переночевать в гостинице: мы с Аллой — в обычном номере, отец с водителем — в «люксе». Через пару минут Олег Николаевич заходит к нам, оглядывается по сторонам и огорчается: «Да, девки, плоховато вы живете! И коверчик у вас какой-то потертый, и мебелишка неважная... А что это у вас в ванной только два крана? У меня — три». Мы недоуменно:

Алла Покровская играла в отцовском театре. Они хорошо подходили друг другу и прожили вместе 12 лет

«Как три?» — «Ну как — холодная вода, горячая и пиво». И пока он не сказал о пиве, мы, как обычно, ему верили.

Или вот случай, когда Олег Николаевич пытался избраться из себя строгого отца-воспитателя. Во МХАТе всегда были проблемы, а тут, вероятно, случилось что-то очень серьезное. Он вернулся из театра нервный, злой. Не свойственным ему суровым голосом зовет нас: «Идите все сюда!.. Встаньте у стены». Мишка: «Ладно, я встану, она-то хоть пусть посидит». Отец не унимается: «Встаньте оба!.. Ну, ты, — обращаясь ко мне, — когда будешь писать?» Послушно отвечаю: «Вот, буквально сейчас». — «А ты?.. — не зная, что сказать маленькому сыну, замолкает, потом находитесь: — Ты когда учиться бу-

дешь?» И тут Мишка падает на пол и, зажимая рот, хохочет. «Грозный» папаша выглядел весьма потешно.

Еще одна любопытная история случилась со мной лет в девятнадцать. Когда на экраны вышла картина «Собака на сене», я смертельно влюбилась в Боярского. Страдаю, не могу! Как же изощренно надо мной издевались все домашние во главе с Мишкой! Я умоляла об одном: «Только папе не рассказывайте, ведь со свету сживет». Он очень любил выпытывать у меня тайны, и когда я говорила: «Ну ты же разболтаешь!», отец с кристально честными глазами клялся: «Не-ет! Никому не скажу». Но уже через пять минут все обо всем знали. В общем, и эту новость ему тут же донесли, но он среагировал нежи-

Отец серьезно так говорит: «Меня посылают в космос, а на выпуске — спектакль. Приходится объяснять, что не могу сейчас лететь...»

данно: «А что? Я сейчас как раз с Мишкой озвучиваюсь в Питере — поехали!» А у меня сессия, на носу диамат... Однако сажусь с папой в «Стрелу» и мчусь навстречу любви. Утром, проходя по коридору, слышу голос из соседнего купе: «Ох уж эти народные! Все-то им можно! Вот Ефремов! Женатый человек, а едет с блондинкой, которая ему в дочери годится. Стыд-то какой!..» К слову, при личной встрече Михаил Сергеевич оказался вовсе не Теодоро, и я спокойно уехала домой.

Спустя год, когда я переехала на дачу отца, мне пришлось читать такие жалобы соседей: «Ефремов незаконно поселил у себя в доме женщину с детьми и всем говорит, что она его дочь. А дочери-то у него никакой нет. Есть только сын, да и тот сидит в тюрьме». Слава Богу, никаких комплексов из-за этого я не нажила. Хотя периодически меня пытались «поставить на место». Например, спустя несколько лет, когда люди с трудом, но поверили-таки в мое существование, там же, на даче, произошел такой случай. Беременная младшим сыном, гуляю в длинном платье из марлевки. Навстречу идет женщина с ребенком. Увидев меня, начинает громко возмущаться: «Видишь, Мишенька, какая невоспитанная у Олега Николаевича дочка! У нас в ДСК «Чайка» в ночных рубашках не ходят»...

— **Значит, известная фамилия не всегда вам помогла?**

— Не всегда. К слову, в детстве я была красивой девочкой, и меня абсолютно без всякой папиной протекции не один раз приглашали сниматься в кино. Однажды прошла фотопробы для фильма Ролана Быкова «Телеграмма». Съемки были намечены на лето, мне велели постричься. Ни то, ни другое меня не устраивало. И тогда Быков сказал: «Запомни, девочка, раз у тебя нет теще-славия, ты никогда не будешь актрисой». Слава Богу, я никогда об этом не мечтала. Закончила ГИТИС, стала театроведом. И вот тут папа в очередной раз проявил свой характер. Я вдруг случайно узнаю, что в литчасть МХАТа собираются взять моего сокурсника. Я — к папе: «Что за дискриминация? Я выпускница того же факультета,

защитилась неплохо. Возьми меня!» Но давить на Олега Николаевича было невозможно: «Нет, милая моя! Видишь ли, в литчасти надо работать».

Когда Олегу Николаевичу дали Звезду Героя, он получил возможность пользоваться закрытой столовой-распределителем на Грановского. Каждый месяц он покупал за 120 рублей книжечку с 30 листочками, каждый из которых был поделен на две части: «обед» и «ужин». Сам папа бывал там нечасто и, когда уезжал, книжечку отдавал мне. У меня уже была семья, дети, а время было голодное. Попав туда впервые, я обалдела. Внешне ничего особенного — прилавок, прейскурант. Но ситуация примерно как в миниатюре Жванецкого «На складе»: «Колбаса? И телячья? И языковая? И она у вас есть?..» Мы набирали четыре вида колбасы по пять килограммов, пять-шесть банок икры, какие-то невероятные гребешки, колбаску в специальном желе в фарфоровом бочонке. В общем, столько, сколько могли донести до машины. Это было что-то невероятное! Рай, коммунизм! К со-

Между прочим, Олег Николаевич был довольно прижимистым человеком. Иной раз приходишь: «Пап, дай денег». Отвечает: «Нету»

жалению, продолжалось блаженство недолго — Михаил Сергеевич Горбачев эту «лавочку» прикрыл.

А с магазином у отца была связана еще одна история. Он жил на Суворовском бульваре в одном подъезде со Смоктуновским и Евстигнеевым и однажды вернулся домой озадаченный: «Странно! Еду сейчас в лифте с каким-то мужчиной, а он меня спрашивает: «Что же вы, Олег Николаевич, не заходите? Евгений Александрович с Иннокентием Михайловичем заглядывают, а вы — нет. Заходите!» Оказалось, это был директор расположенного в том же доме гастронома, который в народе назывался «ефремовским», хотя с тем же успехом мог именоваться «евстигнеевским» или «Смоктуновским».

Представляете, отец, вернее, его фамилия помогла мне второй раз выйти замуж. Мы подали заявление, но нужно было ждать два месяца, а у будущего супруга на носу гастроли. Что делать? Просим Олега Николаевича подъехать с нами в загс, попросить ускорить процесс. В загсе, увидев знакомое лицо, к нам навстречу бежит женщина: «Здравствуйте, Олег Николаевич! А это Настя? Я же сама оформляла удочерение. Что вы хотите?» — «Да вот, ребят расписать...» Она тут же командует ожидавшим молодоженам: «Так, давайте выходите из зала!» Володька, мой жених, выхватывает у кого-то цветы, и мы молниеносно женимся. Сфотографировались, садимся в машину, я говорю: «Да, папочка, вот еще что...» Он: «Стоп, а вот теперь все просьбы — к нему». И показывает на моего новоиспеченного супруга.

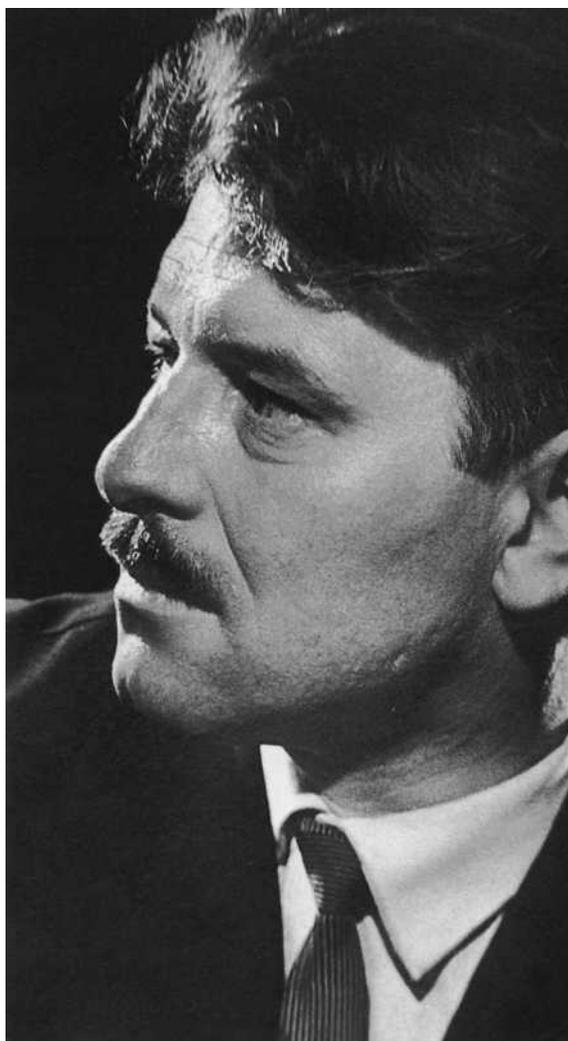
Несмотря на то что у отца была другая семья, для меня он всегда был досягаем...

Десятью годами безумной любви и выяснения отношений стал мамин брак с писателем Вилем Липатовым

А какие истории со мной происходили на отдыхе! Приезжаю в Ялту, в дом отдыха «Актер». Спускаюсь по лесенке к набережной. На мне маечка с надписью «Венедия». Навстречу бодро бежит Лев Дуров: «Ой, девушка, откуда такая изумительная маечка?» — «Папа привез». Дурова ответ не удовлетворил: «Ваш папа — гондольер?..» Я и представить себе не могла, что кто-то еще не знает, как выглядит дочь Ефремова, растерялась и, вместо того чтобы сострить, гордо выдала: «Нет, мой папа — народный артист!» Другой случай, там же. Отдыхаю неделю, другую. И вдруг рано утром — стук в дверь. Открываю. Горничная спрашивает: «Как вы считаете, могу я убраться у вашего папы?» Ну, думаю, здорово я вчера перебрала. При чем здесь папа, если я в Ялте? «Убирайтесь», — говорю. Она не уходит: «Может, вы все-таки первая зайдете?..» Оказывается, Олег Николаевич приехал накануне вечером и, не желая меня тревожить, поселился в соседнем номере.

Но самое большое впечатление на меня произвел правительственный санаторий рядом с дачей Брежнева, где однажды отдыхал папа. Мы с Аллой и маленьким Мишкой жили в актерском доме отдыха в Мисхоре и, чтобы попасть к отцу, должны были заказывать пропуск. Приезжаем, по удобной лестнице спускаемся к корпусам. И начинается булгаковщина. Театральный роман. Каждые две минуты как бы невзначай появляются люди. То женщина в белом халате: «Вы куда, простите?.. А-а-а, к Ефремову. Хорошо, хорошо». То мужчина с метлой (вроде подметает): «Простите, вы... А-а-а, да, конечно...» И так раз пять. Пока дошли — устали. Хотя санаторий был обалденный: галечный пляж, вдоль моря — красная, как в райкомах, дорожка. Через каждые 10 метров такая же дорожка прямо к воде. Не дай Бог, кто-нибудь ножку уколёт. Тут же симпатичные финские домики. Я долго не могла понять зачем. Оказалось, каждому отдыхающему, кроме номера, выделялся такой домик для сна у моря. Ведь корпус в 30 метрах от моря — это далеко... Но самое интересное — дважды в час приятный женский голос объявлял на весь пляж: «Время такое-то... Перемените, пожалуйста, позу для загара». Клянусь! Правда, после 40 минут в этом раю нам ужасно захотелось обратно в свой Мисхор, где 30 человек на квадратный метр, визг и крик, зато так уютно!

А вот еще незабываемый случай. Студенческие каникулы. Мы компанией — Антон Табаков, Динька Евстигнеев и я — отдыхаем в Звенигороде. У Антошки кончилась путевка, и он переехал ко мне в номер. Через пару дней идем звонить Люсе Крыловой, маме Антона: «Мам, привет... Ага, задержался... Ну у кого? У Насти Ефремовой... Мам... Ну, мам... Ну, мам...» Все-таки остался. Вскоре подбехал Мишка. И началось! Как-то, помню, решили пошутить и накатали жалобу на отвратительное качество пищи в столовой, хотя были там раза три. Подписались. Не успели дойти до корпуса — нас вызывает директор: «Ребята, то, что вы недовольны едой, — ладно. Но скажите честно, вы что, хотите, чтобы меня сняли?» Мы смутились: «Что такое?» — «Нет, ну а как вы думаете?»

Жалоба и подписи: Евстигнеев, Табаков, Ефремов. Да меня вечером же здесь не будет...»

Впрочем, я успешно пользовалась не только папиной, но — в определенных обстоятельствах — и громкой дедушкиной фамилией. Когда меня после восьмого класса выгнали из школы, нужно было куда-то устраиваться на работу. Мы жили тогда у метро «Аэропорт» в знаменитом писательском доме. Рядом — аэровокзал. Илья Мазурук — седьмой по счету Герой Советского Союза — налегает свои награды (весь иконостас!), и мы идем к директору аэровокзала. Тот вскочил с кресла как ошпаренный: «Илья Палыч!», честь отдает... Дедушка и говорит: «Вот внучка решила поработать». Мужик решил уже, что 16-летнюю девочку нужно тут же взять своим заместителем, но на всякий случай спросил: «А кем бы вы хотели?» — «Да вот, в справочной...»

— Неужели было так нелегко материально, что вы, дочка и внучка известных людей, вынуждены были в 16 лет идти работать?

— Между прочим, Олег Николаевич был довольно прижимистым человеком. Иной раз приходишь: «Пап, дай денег». Он никогда не говорил: «Не дам!» Отвечал: «Нет». Ну что ты тут поделаешь? Кстати, когда я стала учиться в ГИТИСе, материальная проблема действи-

тельно возникла. В первом семестре получаю 30 рублей в месяц. Думаю: замечательно — на сигареты хватит. Сдаю сессию без троек, а во втором полугодии... стипендии нет. «Ну, Настенька! — говорят мне в учебной части. — Вы из обеспеченной семьи, а у нас многие девочки иногородние». А я что, буду им объяснять, что эти девочки переводы получают каждую неделю? Перестала учиться и чаще стала обращаться к отцу. Не всегда, правда, удачно. Однажды возмутилась: «Ты что денег не даешь? На панель толкаешь, а?» — «А что? У нас любой труд в почете». Шантаж с ним не проходил. Он мог не дать ни копейки, а потом ни с того ни с сего отвалить 200 рублей на джинсовый комбинезон. Сколько раз мы с Мишкой шли с ним разговаривать, заранее выстраивая всю беседу. Никогда ничего не получалось!

Отец полюбил кожаные штаны. Мы постоянно отбирали их друг у друга. Звонит папа: «Принеси штаны!» — «Пап, мне они завтра нужны»

А просили мы действительно часто, особенно изощряясь перед его поездками за границу. Писали списки фломастерами. Красным — то, без чего жить нельзя, синим — желательное, зеленым — что не нужно, но очень хотелось бы. Засовывали памятки во все папины карманы, чемодан, даже очешник. Просили жвачку, джинсы, но в основном шмотки. И каждый раз непременно встречали его самолет в Шереметьево. Помню, однажды отец даже высказал нам: «Вот интересно, вы меня не провожаете, а всегда только встречаете». «Пап, — говорю, — ты странный! Если бы мы были такие корыстные, как ты думаешь, то, наоборот, провожали бы тебя. А когда ты приехал, уже ничего не изменишь — ты либо привез что-нибудь, либо нет».

Он, конечно, привозил потрясающие вещи! Как-то купил мне кожаный костюм (в то время их в Союзе и в природе не было) — юбка-годе, пиджак, все отделано змеей... Он ставил в Турции спектакль, а Слава Зайцев там как раз делал коллекцию на кожаной фабрике и смоделировал мне этот костюм. Отец страшно гордился удачными покупками, просил, чтобы я сразу померила, показала ему...

Смешно рассказывал один артист. МХАТ был на гастролях за границей. Из магазина выходит папа с пакетами. Его спрашивают: «Что это такое, Олег Николаевич?» — «Да вот, внукам купил». — «Олег Николаевич, а себе?» Отец улыбнулся: «И себе тоже!» Многие годы он был неприятным в одежде, но после шестидесяти, например, полюбил кожаные штаны. Как и я. Мы постоянно отбирали их друг у друга. Звонит папа: «Принеси штаны!» — «Пап, мне они завтра нужны». Он: «И мне нужны»... Хотя, думаю, на самом деле магазины отца раздражали. К тому же он совершенно не процветал,

Заставить отца лечиться было нереально. Но он и не жаловался. «Пап, как себя чувствуешь?» — «Нормально»

На даче, построенной Ефремовым в Валентиновке, живу я со своими детьми

особенно в последнее время, и деньги были нужны. Для него всегда на первом месте был театр. Ради того, чтобы заработать несколько тысяч долларов, поставив в Америке спектакль, он никогда его не бросил бы.

Да и вообще он не любил ездить. Даже ненавидел! Если был бы выбор, вместо Калифорнии, например, отправился бы в Саратов. Я каждый раз просилась с ним за границу, а он говорил: «Господи, ты ничего не понимаешь! Надо ехать на Волгу... А как хочется в Сибирь, на Сахалин!». »Хотя любил отдыхать на вилле своего приятеля

«Где дача Ефремова?» не может, потому как сам и есть Ефремов. Мы начали волноваться и отправились на поиски. Больше он уже один не гулял.

Или такой штрих. Отец очень любил всякие электроприборы, новую технику, привозил в страну первые видеоманитофоны, СВЧ, но пользоваться ими не умел никогда. Во МХАТе был чудо-дядечка, который все это налаживал, устанавливал, потом подробно расписывал, как пользоваться... Бесплезно! На пульте телевизора папа мог только нажать кнопку «on/off» и переключать

Однажды отец пошел гулять и заблудился. Адреса не знает, а спросить: «Где дача Ефремова?» не может, потому как сам и есть Ефремов

Костаса в Греции. Бывал там неоднократно, иногда с другом Михаилом Рошиным. Потом с гордостью рассказывал, как жарил себе кабачки... Отец не был беспомощным, рассеянным профессором, но быть ему был как бы не нужен. Нет еды — он и есть не будет. Равовался любому блюду, носил что есть. Главное — чтобы все чисто было. Не мог, конечно, ни постирать, ни приготовить. Хотя ни разу не попросил: «Постирайте мне», «Уберите».

Дачу, на которой я сейчас живу с детьми, он построил для себя, но бывал здесь редко. А однажды приехал, пошел гулять и заблудился. Адреса не знает, спросить:

каналы. Но ему всегда были интересны взлеты человеческой мысли, творчество, прогресс. Помню, привез первую печь СВЧ. Вся семья в восторге. Поставили чашечку с водой — ой, вскипела! Папе мало: «Значит так, свари-ка ты мне суп». Я, гордая собой — ведь научилась ею пользоваться, — поняв, что железное туда ставить нельзя, сварила суп в... вазе для цветов.

Олег Николаевич всегда очень уважал тех, кто умел то, чего не знал сам. Когда я вынуждена была заняться бизнесом, то, приходя к отцу, часто жаловалась: «Ты не представляешь себе: счета-фактуры, накладные...» Для

Лишенный кокетства во всем, Олег Николаевич мог сказать парадоксальное: «Ты знаешь, я не люблю театр. Вот ты мне не веришь, но пойми...» Или: «Не менять своих убеждений безнравственно». В последние годы он делал какие-то записи. Но в них много грусти, разочарования: «Я знаю только то, что ничего не знаю», «Ничего не умею», «Все не так», «Они ничего не понимают», «Не успеть...» Конечно, он не принял произошедшие в стране перемены. Мне и Горбачев (они с папой были очень близки) сказал недавно: «Знаешь, в чем проблема моя и твоего отца? Мы преждевременные люди».

— После разрыва с Аллой Покровской Олег Николаевич так и не создал семьи. Но вряд ли он мог жить без женщин. Это так?

— Конечно. В 60 лет в его жизни появилась энергичная дама. Она была хороша собой, умна, не очень молодая. И, разумеется, чужая жена. Отношения были не совсем обычными, и одно время я была сильно ими недовольна. У меня возникло ощущение, что эта женщина, способная выпить довольно много, спаивает отца. Я как-то сказала: «Пап, мне не нравятся ваши отношения, она ведьма...» А он улыбнулся: «Это не то, что ты думаешь. Я просто дружу с ее семьей». По-старомодному деликатный в словах, Олег Николаевич имел в виду, что она не была его любовницей. Папа вообще часто приближал к себе людей, как нам казалось, чуждых ему. Много лет это были мужчины. А потом возникла эта женщина, она всегда находилась рядом, выслушивала его, делала массаж. Не исключаю, что она нежно к нему относилась. Хотя думаю, свои цели все-таки преследовала — Олег Николаевич давал ее мужу играть массу ролей во МХАТе.

Другое дело — папины отношения с одной очень известной актрисой. Красивой, талантливой, умной, доброй женщиной. Это были три года абсолютного празд-

У меня возникло ощущение, что эта женщина, способная выпить много, спаивает отца. Я как-то сказала: «Пап, она ведьма»

меня это было мучение, а он восторгался: «Потрясающе! Ты — бизнес-леди! И ты во всех этих счетах-фактурах разбираешься?» Мне с папой всегда было интересно. Как-то, приехав из Греции, он долго приходил в себя: «Это же надо — Сократ ничего не записывал!» И так целую неделю. В другой раз печально признался: «Я, наверное, плохой артист. Я бы не смог сыграть гомосексуалиста...» В последнее время он много читал Библию. А на Пасху собрал всех — меня, Мишку, наших детей, стал пересказывать только что прочитанную статью о пивяках и потом в течение дня неоднократно к ней возвращался. «Как интересно! Женщины, которые за ними ухаживают, не могут пользоваться духами! Нежные пивяки не переносят таких запахов». После его смерти мы с братом в память об отце поставили себе пивяки.

ника. Три года безмятежного счастья и сумасшедшей любви. Красивый роман и замечательный творческий союз. Папа уважал ее мнение, она ездила с ним в Грецию, когда он ставил спектакль, сидела на репетициях. А за полгода до его смерти они в последний раз вместе ходили в театр. Конечно, об их романе знали... Наверняка, и ее супруг, иностранец-миллионер. Вспоминаю смешную и трогательную историю. Едем с отцом в машине, и вдруг он говорит: «Надо позвонить». Мобильных телефонов еще не было, он вышел и очень скоро вернулся удрученный: «Представляешь, позвонил ей, муж снял трубку и почему-то повесил». «Вот действительно! — говорю я. — И что это он трубку повесил? Может, ему не нравится, что ты с его женой спишь?» — «Да, наверное...»

Папа очень хотел на ней жениться. Помню, мы с му-

жем пришли к нему. Отец торжественно произносит: «Так, дети, это ваша мама». Она: «Что? Какая я мама? Ты с ума сошел, Олег!» А когда отец умер, было так страшно. Я в пять утра легла, а в шесть пришла она с огромным букетом цветов и, разбрасывая их по квартире, все приговаривала: «Вы его убили, не так лечили»... Тогда-то эта женщина и призналась, почему не вышла за отца замуж: «Я же ответственный человек. Понимала, что не только Ефремова на себя возьму, но и тебя с детьми, Мишу с его проблемами. А все я бы не потянула». Спрашиваю: «Сейчас не жалеешь?» — «Если бы я с ним была, он по крайней мере был бы жив и здоров».

Заставить отца лечиться было нереально. Но он и не жаловался. «Пап, как себя чувствуешь?» — «Нормально». И только когда началась эта серьезная болезнь, эмфизема, признался: «Пусть бы болели сердце, печень, почки — но я дышать не могу...» За несколько месяцев до смерти его подлечили во Франции, он приехал совсем другим человеком. Но упал, сломал руку. А был ноябрь. Его выносили из подъезда, чтобы отвезти в больницу, и, видимо, плохо укутали. В результате — воспаление легких, все лечение насмарку. Шли переговоры со шведской клиникой о трансплантации легкого, но московские светила говорили, что шансов на выздоровление почти нет. Ведь у отца была масса других болезней...

У него начала усыхать и стала совсем тоненькой одна нога. Он уже не мог пройти больше 100 метров, останавливался и ждал, пока не станет легче. Кто-то посоветовал ему поехать к хилерам на Филиппины. Папа относился к нетрадиционной медицине с юмором, но решил попробовать. Потом рассказывал: «Завели в маленький домик, рядом с которым паслась коза, положили на кровать, поковырялись и говорят: «Вот ваш тромб, мы его вынули». Откуда я знаю, может, его у той козы вынули?» Смех смехом, но нога-то восстановилась! Смерть же наступила от закупорки сосудов. Мгновенно, во сне.

Когда это случилось, мне позвонила Татьяна Александровна Горячева из МХАТа, и я, несмотря на пробки, долетела до квартиры на своей «Ниве» в мгновение ока. Галя, помогавшая отцу по хозяйству, металась, плакала: «Если б я вызвала «Скорую»... Галя была у него днем, увидела, что отцу плохо, но от визита врачей папа отказался. Я говорила: «Галочка, успокойся. Если бы он мне сказал: «Не надо», и я бы не стала вызывать». Олег Николаевич до самого конца руководил своей жизнью, так как не хотел превращаться в беспомощного старика. В последние годы он редко бывал в театре, хотя и не мог без него. Ему был положен шофер, но отец не любил напрягать людей, и я часто предлагала свои услуги. Я только говорила ему: «Станешь стареньким, заберу тебя к себе — будем писать книгу». Он, правда, без особой радости, уже к этому склонялся. Проведя в его квартире несколько дней до похорон, я пришла в ужас: человек с такими больными легкими жил на Тверской, тогда как на даче — сосны! Мне стало больно... Помню, он сам вдруг сказал: «Что-то сейчас все живут на дачах. И Галька Волчек перебралась...» Затеял даже строить второй дом, но возникли проблемы с деньгами. «Да брось ты, — говорю, — неужели мы с тобой не уживемся?» Папа согласился: «Все, ставлю «Сирано» и в сентябре переезжаю на дачу...»

Беседовала Татьяна Петрова